

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX И XXI ВЕКОВ

М.В. Ромашова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Анализируются воспоминания о послевоенном советском детстве, опубликованные в последние пятнадцать лет, как источник по истории детства.

Крушение советской системы способствовало всплеску публикации частной переписки, дневников, воспоминаний бывших сотрудников государственного и партийного аппарата, диссидентов, деятелей науки и искусства. Часть их привлекала сенсационностью, разоблачением «ложной» истории, часть – уникальностью и одновременно типичностью жизнеописаний. Пытаясь осмыслить себя и время в рамках биографического опыта, мемуаристы начинали свое повествование с детства, определившего их последующую жизнь. Многих авторов, достигших «мемуарного» возраста к концу 1980-х – началу 1990-х гг., можно отнести к поколению «детей войны». Впервые они осознали себя в военное время, а большая часть их детства и отрочества прошла в годы «позднего сталинизма» (1945-1953). В это время в советском обществе происходили серьезные перемены, связанные с ожиданиями смягчения сталинского режима, прежде всего в повседневной жизни, и появлением первых признаков «оттепели».

Цель статьи – рассмотреть типы и способы репрезентации советского послевоенного городского детства в воспоминаниях, опубликованных в последние пятнадцать лет. Для этого я попытаюсь раскрыть специфику мемуаров как источника по истории детства; охарактеризовать сюжеты и формы описания детских лет; выявить, от чего зависит тот или иной тип репрезентации; а также установить, какие пласты исторической памяти отражают воспоминания и насколько типично они воссоздают историю советского детства. Такой подход к реконструкции детства позволит впоследствии определить роль персонального детского опыта послевоенных лет в формировании идеалов, ценностей, поведенческих стратегий поколения молодых «шестидесятников».

Детство – не просто естественная универсальная фаза человеческого развития, а

понятие, имеющее неодинаковое социальное и культурное содержание в разные эпохи. Оно отражает одновременно убеждения, воззрения, ценностные ориентации общества и человека по отношению к детям, представляющие «некий культурный временный (и временной) заповедник, где детей легче было бы превратить в желательных для социума индивидов»¹, и своеобразную субкультуру, обладающую собственным языком, структурой, функциями. Предметом открытия, а затем и осмысления детства стало относительно недавно. Примерно с XVII в. период детства начал привлекать к себе все большее эмоциональное внимание родителей, забота которых раньше не проявлялась в достаточной мере. XVII век все активнее разрабатывал концепцию детства, создавая новые теории и методы воспитания и образования, формируя новые подходы к детской литературе. Тогда же впервые появляются воспоминания, полностью посвященные детским годам, которые составили основу последующего жизненного пути автора. Под влиянием романтизма, провозгласившего каждый период жизни индивида необычайно важным, ребенок в воспоминаниях идеализировался и воспринимался как маленький ангел, существующий в прекрасном или страшном мире. Во второй половине XIX в. облик ребенка приобрел большую «реалистичность»². Параллельно с этим сформировалась и литературная традиция описания детства. Свои автобиографические детские образы создали Л. Н. Толстой, Ч. Диккенс, М. Твен и др.

Воспоминания о детстве всегда значимы и существенны для человека, независимо от того, успешен он в своей жизни или нет. Однако в случае привлечения воспоминаний к исследованию возникает сомнение в их достоверности, ведь образы детства чаще всего идеализированы³. Тем не менее эти воспоминания основываются на собствен-

ных впечатлениях и опыте, который вряд ли зафиксирован в каких-либо других источниках.

В последнее время воспоминания взрослых о своем детстве сравниваются с текстами, созданными самими детьми в конкретную историческую эпоху. При этом сравнение не в пользу мемуаров. Значительная часть детских документов представляют собой тексты - воспоминания, изложенные в разных формах - будь то школьное сочинение или же рассказ, стихи, дневниковая запись, ответы на вопросы анкет, письма и корреспонденции в газеты и журналы. Как отмечает А.А.Сальникова, дети смотрят на свое недавнее прошлое намного объективнее и критичнее, чем взрослые⁴. Однако такие тексты уникальны и немногочисленны. Поэтому воспоминания взрослых о детстве имеют большое значение для реконструкции истории детства. Специфика «взрослого» текста в том, что он представляет сконструированный и откорректированный памятью образ детства, основным критерием оценки которого выступает не фактическая насыщенность, а авторское восприятие.

При изучении индивидуальных воспоминаний о детстве возникает вопрос, насколько они репрезентативны и в какой степени отражают историю «типичного» советского городского детства этого периода? Как отмечает В. Безрогов, «лишь через примат индивидуального опыта можно выстраивать то общее, что “коллективно” у одного человека с другим»⁵. Автобиографические воспоминания, взятые в комплексе, отражают неповторимый человеческий опыт, разнообразие персональной памяти и «наличие совершенно явных групповых паттернов и опыта, памяти и репрезентации»⁶. Проблема общего опыта, пережитого той или иной группой людей совместно, неразрывно связана с термином «коллективная (культурная) память». По мнению О. Поршневой, коллективная память - это хранилище мифов, легенд, преданий, исторической памяти и одновременно механизм, «обеспечивающий преемственность и изменения в развитии культуры: она способствует не только сохранению значимых достижений, программ, ценностей и “забвению” того, что не может (не должно) быть востребовано, но и накоплению социального опыта, самопознанию и самоидентификации социума»⁷. Соотноше-

ние персональной и коллективной памяти в конкретном «эго-документе» может быть различным. Если при написании мемуаров автору недостаточно собственной памяти, то он обращается к семейным или групповым мифам. Поэтому воспоминания детства могут отражать пласты как индивидуальной, так и коллективной памяти.

В статье анализируются 20 опубликованных воспоминаний. Мемуаристы принадлежат к творческой, научной и технической интеллигенции, чей год рождения варьируется в пределах 1931–1942 гг. Свои детские годы они провели в крупных городах Советского Союза: Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе, Молотове, Свердловске, Тбилиси и др. Мемуары написаны в разное время, но массовым тиражом изданы с 1990 по 2003 г. Исключение составляют мемуары В.К. Буковского, опубликованные в США в 1970-е гг., и воспоминания о детстве в оккупированном Харькове Л.М. Гурченко, изданные в начале 1980-х гг. Мемуаристы не претендуют на всеохватность, они повествуют о том, что пережили сами или их близкие, пытаясь, конечно, обобщить свой личный детский опыт. Детство имеет возрастные границы. В данном исследовании определение границ детства, репрезентируемого в мемуарах, зависело прежде всего от первых осознанных воспоминаний мемуаристов о себе и окружавшем мире, во-вторых, от авторского восприятия возрастных границ своего детства. Таким образом, детство в анализируемых воспоминаниях охватывает период с 5 до 16 лет.

Существуют различные модели репрезентации детства. Детство в воспоминаниях может представлять «потерянным раем», в наивность, безоблачность которого приятно погрузиться на склоне лет и заново его почувствовать. Нередко оно может напоминать «закончившийся кошмар», который необходимо заново пережить и осмыслить. Тогда обращение к своему «проблемному детству» может сыграть положительную терапевтическую роль. Образ детства как «стартовой площадки» для взрослой жизни раскрывает истоки авторской индивидуальности. Такая модель отражает детство как почву, на которой сформировалась личность автора⁸.

В разные исторические эпохи доминировал какой-то один из вариантов репрезентации детства. В последние два-три столетия

детство в воспоминаниях чаще всего предстает как воплощение природного состояния радости и беззаботности, как некий «утраченный идеал»⁹. На выбор типа репрезентации влияют многие факторы, прежде всего личные особенности автора: пол, возраст, образование, общественно-политические взгляды и др.

Воспоминания мужчин и женщин включают в себе ярко выраженную «маскулинную» или «феминную» картину мира. Большинство авторов анализируемых воспоминаний – мужчины. Немногочисленные женские мемуары (в частности, мемуары А. А. Баранович-Поливановой и Л.М. Гурченко)¹⁰ воссоздают иной образ детства, отличающийся высокой эмоциональностью, открытостью и рефлексивностью. Женское «письмо» характеризуется большей фиксацией проблем повседневности, быта, особыми ценностными установками и устремлениями¹¹.

Безусловно, образование автора, его профессиональная деятельность, социальный статус играют определенную роль в выборе типа репрезентации. Автобиографические тексты представителей интеллигенции, к числу которых относятся авторы, отличаются от воспоминаний и дневников малообразованных людей («наивное письмо»)¹². В то же время авторы мемуаров не являются профессиональными литераторами. Поэтому их воспоминания интересны типичным и одновременно уникальным восприятием окружающей действительности. Переосмысливая, на первый взгляд, только личный жизненный опыт, они выражают настроения определенной части сверстников.

Сильное воздействие на информативность, содержательность и тип репрезентации воспоминаний оказывает время, место их написания и публикации. К примеру, воспоминания В. К. Буковского «И возвращается ветер...» вышли в свет в США в 1978 г. и стали одним из свидетельств «бесчеловечности» советского режима. Большая же часть мемуаров была написана и опубликована с 1997 по 2003 г. Эти воспоминания отличаются меньшей предвзятостью в сравнении с воспоминаниями начала 1990-х гг., в них в основном воспроизводятся факты личной биографии, а не официальной истории.

Иными по ощущению времени и общим оценкам, но не по форме повествования, являются воспоминания бывшего диссидента В.К. Буковского и представителя нынешней оппозиции С. Г. Кара-Мурзы¹³. Авторы пытаются сконструировать детство таким образом, чтобы воспоминания о нем служили прямой иллюстрацией их общественно-политических взглядов. Таким образом, они ищут в детстве подтверждения правильности выбранного ими пути.

Структура повествования во многом отражает принцип отбора и репрезентации фактов детской жизни. Авторы, за исключением А.А. Баранович-Поливановой, И.К. Сафонова, Б.Н. Гажева¹⁴, представляют воспоминания о детстве «в виде прелюдии к рассказу о собственной жизни». В. Безрогов правомерно считает, что «автобиография детства, заканчиваясь вступлением во взрослую жизнь, полнее отражает становление темперамента, внутренний опыт детской души и повседневные проблемы ранних возрастов, в то время как для воспоминаний о всей жизни детство существует, скорее, в виде эскиза к общей картине, который возможно оценить только исходя из знакомства с законченным произведением»¹⁵. Однако достаточно краткое изложение авторами воспоминаний своего детства позволяет уловить индивидуальные особенности памяти и механизм ее отбора, дающий возможность автору на нескольких страницах уместить самые важные, на его взгляд, факты детской жизни.

Способ и тип репрезентации детства зависят от целей и причин написания мемуаров. Они могут быть разнообразными, но в них неизменно присутствует общее – желание понять себя и осмыслить свою судьбу. Автор, таким образом, пытается «обрести себя и уверенность в правильности своего дела ...прожитой жизни и рассказанной на ее основе истории»¹⁶.

Мемуаристы начинают выстраивать образ послевоенного детства с фиксации ощущений личного опыта, который большинством воспринимается как вполне «счастлирое время». Г. И. Бурков замечает: «Есть в этом прошлом что-то прекрасное: как будто твоя юность надевает красивую одежду»¹⁷. Но, по мнению А.Я. Шапиро, «подлинно счастливым можно быть, только осознавая неповторимость проживаемого

момента. В детстве же растёшь как трава, лишь потом начинаешь разглядывать корни»¹⁸. Иногда прожитые детские годы предстают как благополучно закончившийся кошмар. В.К. Буковский пишет: «...словно в чистилище, где мучаются грешники своими грехами, всплывает к тебе из памяти все то, что хотел забыть и годами не вспоминал... И совестно тебе, и стыдно, и хочешь отвязаться, отогнать эти призраки – все бесполезно. Так вот, сколько ни попадал я в Лефортово, неизбежно вспоминалось детство...»¹⁹.

Представляя свой образ жизни читателям, автор показывает понимание законов жанра, культуры, эпохи, ситуации. Он выстраивает собственную линию судьбы в тексте. Однако детские воспоминания в силу своей удаленности от времени написания мемуаров разорваны и мозаичны. Они напоминают коллаж, повествование с хронологическими, сюжетными смещениями или поток воспоминаний: «Странно, случайно, похоже на выдумку, но мое детство, с играми на обломках трофейных «Мерседесов» и «BMW», с убогим бытом разноплеменных соседей, с долгомесечной вынужденной безработицей отца (сорок девятый год), с добрыми фильмами о вожде, с ночным перетаскиванием пианино филолога – космополита к нам на пятый этаж (и дневным спуском инструмента обратно на первый, когда он вернулся из лагеря)... с девочкой Людой, чей рано развившийся бюст заставил нас еще неистовее гонять мяч по двору, едва она возникала на балконе, с многочасовыми сидениями в подвале, где мы устроили штаб... Нет, это предложение не завершить...»²⁰. Повышенная эмоциональность в раннем возрасте определяет процесс запоминания. Перечисление предметов, людей и ситуаций позволяет понять механизм отбора автобиографической памяти: в ней сохраняется в течение продолжительного времени то, что произвело наибольшее впечатление и было связано с более или менее сильными чувствами²¹.

Война для детей 1940-х гг. была привычным фоном жизни. Она, казалось, «будет длиться без конца»²². Долгожданная победа открыла новые горизонты мирной жизни, как надеялись, сытой и благополучной. Однако большинство населения продолжало жить в бедности, нищете, в коммуналках, бараках, выстаивать многодневные очереди.

На этом фоне выделялись те семьи, которые были относительно обеспечены или по тогдашним меркам даже богаты: высокопоставленных военных, чиновников, деятелей культуры и науки. С.Г. Кара-Мурза считает, что часто дети из таких семей становились «чужими» в детских коллективах: «Положение ребят из “богатых семей” – было сложным. Не каждый выдержал, кое у кого возникли комплексы, боязнь стать “чужим”, они начинали заискивать – и от этого как раз нарастало отчуждение»²³. Своим обликом и манерами они отличались от остальных ребят. Например, школьную форму, введенную еще в конце войны, вначале можно было увидеть только на девочках из богатых семей. А. А. Баранович-Поливанова вспоминает, что у них в классе в ней появилась впервые падчерица Л. Руслановой²⁴.

Следует заметить, что в условиях послевоенного времени понятие «богатства», обеспеченности было относительным. Как вспоминает Б. Н. Гажев, живший вместе с семьей в отдельной квартире знаменитого «дома специалистов» в Ленинграде, мальчишек из их дома называли «гогочками», т.е. маменькиными сынками, «поскольку считали, что мы живем в особых условиях: ведь у нас были отдельные квартиры...»²⁵. Для эпохи советских послевоенных коммуналок отдельные квартиры были нетипичным явлением. Их обладатели имели достаточно высокий социальный статус. Однако, как отмечает автор, жилось в первые послевоенные годы трудно всем, в том числе жильцам «дома специалистов», особенно специалистам среднего звена²⁶.

И все-таки детство определяется не столько социально-классовыми, национальными, географическими различиями, сколько отношениями в семье, с соседями, окружением, местом, где ребенок живет и учится. Поэтому образы детства, по воспоминаниям, связаны с послевоенными, уникальными, но в то же время столь типичными Домом, Двором, Школой.

Дом – не конкретное место проживания мемуариста и его семьи, а «ковчег», обитатели которого обречены на совместное выживание в трудное послевоенное время. Например, к началу 1940-х гг. плотность населения в центральных районах Москвы составляла 51 тыс. чел./ кв. км и оставалась на одном уровне до 1960-х гг.²⁷ В целом же

на каждого городского жителя страны в 1940 г. приходилось 6 кв. м полезной площади, т.е. примерно столько же, сколько было до революции²⁸. В военные и послевоенные годы жилищная проблема стала еще острее, особенно на бывших оккупированных территориях²⁹. Поэтому описания тяжелого коммунального общежития, «каждодневной борьбы за жизненное пространство» обязательно затрагивают отношения с соседями, которые могли строиться на обоюдной уступчивости и сговорчивости или, наоборот, на коммунальных ссорах, выливавшихся в кухонную войну³⁰. К соседям дети не были настроены так агрессивно, как взрослые, и быстрее схватывали черты, не свойственные их семейной культуре, но присутствовавшие в соседских семьях. «Я уже начинаю забывать незабываемое, - пишет А.Я. Шапиро, - руководителей братских коммунистических партий, фамилии которых нас заставляли заучивать как таблицу умножения, но навечно помню всех жильцов подъезда сверху донизу»³¹. Исследователь В. Семенова отмечает, что «в жизненном опыте и памяти родительского поколения жильцов “коммуналок” 1930-50-х гг. превалирует чувство взаимного отторжения разных культур, тогда как следующее поколение (дети) впитывало в себя привычки и образ жизни соседей»³². В «замкнутом географически - локализованном пространстве коммунальных квартир» смешивались ценности различных социальных групп, успешно усваиваемые детьми.

Семье в воспоминаниях о послевоенном детстве отводится очень мало места³³, может быть, потому, что тогда в детской жизни постоянно присутствовали гостившие, просто жившие, вернувшиеся из эвакуации или с войны родственники, знакомые: «Наши семьи тогда были расширены, раскрыты»³⁴.

Раздельное обучение, введенное в 1943 г. и просуществовавшее до 1954 г., воздействовало на школьную атмосферу тех лет. Она, по мнению М.Ю. Германа, «напоминала уголовную»³⁵. В. Буковский полагает, что невероятная скука, тоска вынуждали ребят реализовываться в хулиганстве³⁶. Поэтому для кого-то воспоминания о школьных годах остались не самыми светлыми: «Забыть ли школу ..., где я был в классе единственный еврей, где были ученики на 3-

5 лет старше меня, где завуч был антисемит, и братья Морозовы, тоже не любившие евреев, делали мне темную, и я не знал, кто из братьев меня бил»³⁷. Школьный мир выстраивался в соответствии со своей подростковой иерархией и достаточно жесткими отношениями: верховодил тот, кто был сильнее, смелее, старше.

Нравы в женских школах, как отмечает А.А. Баранович-Поливанова, напоминали «нравы институток дореволюционной поры»³⁸. Объяснения в любви, предложения дружбы, выяснения отношений, сцены ревности – эти страсти не уступали по своим масштабам отношениям между мужчиной и женщиной. Появление же противоположного пола воспринималось как событие. «Для нас, питомцев мужской школы, девочки были инопланетянами», - вспоминает А.М. Городницкий³⁹. Раздельное обучение, по мысли его инициаторов, должно было учитывать особенности психофизического развития мальчиков и девочек, повысить нравственность молодежи и воспитать из юношей настоящих воинов еще в школе. Однако с окончанием войны дисциплина в школах ухудшилась, особенно в мужских. Например, в г. Молотове за 1946 г. органами милиции было задержано 5725 детей и подростков, из которых 2292 были учащимися школ министерства просвещения. Наиболее распространенной причиной задержания (2048 случаев) было озорство и нарушение общественного порядка⁴⁰. В женских же школах распространился новый тип поведения: бегство от реальности и активного общественного участия в частный мир эмоций и иллюзорных мечтаний. К тому же все больше нарастало взаимное «отдаление полов», которое позднее стало одним из убедительных доводов в пользу отмены раздельного обучения⁴¹.

Другой не менее часто упоминаемый авторами воспоминаний сюжет - общественная деятельность в школе. С распадом СССР в упадок пришла монополярная пионерская система. С ее исчезновением в обществе разгорелись споры об оправданности столь раннего включения детей в общественно-политическую жизнь страны. Поэтому в мемуарах можно встретить подобные высказывания: «Не знаю, как все, но я очень хотел стать пионером, а позднее комсомольцем»⁴² или «Все мы в школе были пионера-

ми... никакой идеологией нас не давили, а пользы было много»⁴³. Большинство авторов признают, что вступление в пионерию или комсомол было связано с чувством собственного взросления, ответственности и в то же время с будничным школьным ритуалом: «Дело это самое обыкновенное: подходит твой возраст – становишься пионером, потом комсомольцем... так было со всеми»⁴⁴. Девальвация прежних ценностей и боязнь быть непонятым приводит к тому, что авторы нередко в подтверждение схожести, типичности своего детского восприятия используют в тексте местоимение «мы»: «Все поголовно мы были пионерами, а затем комсомольцами, активно участвуя в общественной работе. Мы готовы были биться с поджигателями войны, абсолютно уверенные в том, что нет более счастливого места, чем наша страна, где “так вольно дышит человек”. Мы верили в то, что страну окружают враги. Верили в лесозащитные полосы, в каналы, которые превратят пустыни в цветущие сады, в великие стройки коммунизма»⁴⁵.

В воспоминаниях о детстве автор приглашает читателя в свое детство, усиливая звучание внутренних голосов: «и-у-меня-такое-же-было-в-детстве-и-у-меня»⁴⁶. Однако авторы мемуаров 1990-х, скорее, приглашают не в свое Детство, а именно в общее послевоенное советское детство («Кто не пил той газированной воды сороковых, не знает счастья!»)⁴⁷. Такое родное близкое и в то же время настолько непонятное и неизвестное молодым.

Ощущение общего детства особенно четко проявляется в воспоминаниях о послевоенном дворе. Как пишет С.Г. Карамурза, «сказать “его воспитала улица” - это не сказать ничего»⁴⁸. Практически все воспоминания о послевоенном дворе можно свести к словам А. Я. Шапиро: «Дом и двор - всё оттуда»⁴⁹. Значительные потери мужского населения во время войны, высокая смертность мужчин в тылу, разводы привели к увеличению числа неполных семей. В результате во дворе многие ребята приобретали те социально значимые ролевые установки и типы поведения, которые обычно передаются от отца к сыну. Большему времяпрепровождению во дворе способствовало и отсутствие игрового пространства в жилищах. «Дворовая жизнь, - пишет А. С. Коз-

лов, - была как бы продолжением другого стандарта советского городского существования – “коммуналки”. Но если “коммуналка” представляла собой мир взаимоотношений взрослых, то двор был главным местом обитания детей и подростков»⁵⁰. Все основное время ребята проводили во дворах, больших и маленьких, проходных и глухих, или просто в местах, которые условно можно было назвать дворами. «Мы знали каждый укромный уголок, каждую выбоину, все водосточные трубы и весь дом – от подвала до крыши», - вспоминает Лев Дуров⁵¹. Двор представлял собой не только замкнутое пространство, ограниченное зданиями, сараями и заборами, но и детскую разновозрастную общину, автономную субкультуру.

В этих спонтанно сложившихся пространствах, вспоминает И. Сафонов, детям «хватало места для чего угодно, тихих посиделок, игр в “на золотом крыльце сидели...” или “я садовником родился...”, прятки, в “чижика”, “штандер”, круговую лапту, для интриг, разведок...»⁵². Игры были разные, но больше привлекал риск, желание проверить себя. Разрушенные бомбежками здания предоставляли такую возможность. «Страх отсутствовал, – замечает Б. Н. Гажев, –... он был притуплен другими чувствами, прежде всего голодом и холодом»⁵³. Этот микромир строился по типу взрослого, но имел и особенности: с одной стороны – явный интернационализм⁵⁴, с другой – жестокий детский антисемитизм⁵⁵. Мучительное осознание своей непохожести на других ребят описывает А.М. Городницкий: «Яд сталинской антисемитской пропаганды до такой степени корродировал мое полудетское сознание (не говорю “душу” – ее тогда, пожалуй, еще не было), что я сам себе казался человеком второго сорта, неженкой и белоручкой, ничего не умеющим»⁵⁶.

Дворовая жизнь девочек не ограничивалась «прыгалками» из куска веревки, меловыми «классиками» на асфальте, самодельными куклами. Наравне с ребятами они могли лазить по деревьям, бегать по дворам, играть в «войнушку». Тем не менее мальчики и девочки осваивали окружающий мир разными способами: мальчики – в основном через улицу, девочки - через семью и школу.

Детское воображение способно одушевлять вещи, наделять качествами живого и значимого то, что прагматичному взрос-

лему покажется пустяком. В условиях нищенского послевоенного существования детская способность переживать и воспринимать мир как волшебство усилилась вдвойне. Отсутствие фабричных игрушек восполнялось благодаря использованию стеклышек, бумажных, тряпичных кукол. «Игрушек почти не было, – вспоминает И.К. Сафонов, – ...роль довоенных деревянных обручей с успехом исполняли плоские металлические диски с зубчатым отверстием в центре – такие колеса днями напролет гоняли по тротуарам с помощью жестких проволочных крючьев»⁵⁷.

«Общую» память можно найти в воспоминаниях и при описании дворовой атмосферы, когда достаточно сложно отделить индивидуальный прошлый опыт от социального стереотипа: «Кстати, с кем ни поговоришь про те годы, у всех были бандитские дворы, и все хвалились этим»⁵⁸. Уголовным духом, по мнению В.К. Буковского, было пропитано все, но «среди всех обычных скандалов, мата и поножовщины жили мы, мальчишки, своей особой жизнью, мало обращающая внимания на происходящее»⁵⁹.

Послевоенный рост преступности, в какой-то степени ставший своеобразной «материализацией» чувства ожесточения, вызванного войной, определял атмосферу послевоенных городских дворов. По обобщенным сводкам МВД СССР количество уголовных преступлений и численность осужденных в 1946–1947 гг. по сравнению с 1945 г. резко возросли. К примеру, количество случаев разбоев в 1946 г. по стране увеличилось более чем в 2 раза по сравнению с 1944 г. – с 13357 до 29368. Однако в целом послевоенный уровень преступности, по мнению Е. Ю. Зубковой, был значительно ниже довоенного и во многом преувеличивался благодаря разным слухам и домыслам⁶⁰. Воровской мир был закрыт, тайна делала его по-своему привлекательным. «Клёш», золотые коронки из консервной банки, «кольца» с «бритвами», чубчик, мат⁶¹ – так подростки стремились создать «этакий симбиоз урки и прилпатненного матросика»⁶². Через этот псевдоуголовный мир проходил почти каждый мальчик во дворе. Исключение составляли ребята, не вписывавшиеся в «уголовный» стиль («маменькины сыночки»). Такие дети редко выходили во двор и не всегда принимали уча-

стие в массовых играх. Их не любили, они, как правило, были объектом насмешек, причем иногда довольно жестоких⁶³. За счет издевательств над ними подростки самоутверждались в своей среде.

Однако за усвоением внешних признаков уголовной субкультуры проникновения ее норм во внутренний мир ребенка в целом не последовало. Марк Захаров, искавший в юности «сомнительных приключений с краснопресненской шпаной», полагает, что «запах криминала» воспринимался тогда как веселый авантюризм, не более того⁶⁴. Образ криминального мира не столько заимствовался детьми, сколько конструировался, пополняясь собственными интерпретациями элементов «уголовного стиля». В целом же представители старшего поколения, ищущие истоки своей индивидуальности в детстве, признают значительное влияние дворовой жизни на формирование их самоидентичности, причисляя себя к «детям двора»⁶⁵.

Яркость воспоминаний поддерживается в памяти «приметами времени», моментально напоминающими о прошлом. К ряду таких примет можно отнести трофейное кино. Социокультурное значение многих из этих кинолент в несколько раз превышает их собственно художественное достоинство. Их просмотр стал фактом биографии десятков и сотен миллионов людей. Герои трофейных кинолент «Тарзан», «Три мушкетера» и другие завоевали, по мнению Л.Б. Брусиловской, авторитет у детей и подростков послевоенной поры своей социальной неангажированностью⁶⁶. Смотрели всё, как отметил М.Ю. Герман, и настоящие шедевры, и настоящий ширпотреб, но самые лучшие на детский взгляд были те, на которые шли еще раз уже на следующий день⁶⁷.

В повседневный быт входили новые трофейные реалии, представлявшие собой часто обычные вещи: часы, патефоны, велосипеды, аккордеоны, радиоприемники, фотоаппараты, посуду, отрезки тканей, носильные вещи, отличавшиеся высоким качеством и привлекательным внешним видом. Трофейные вещи имели большую ценность и первыми продавались на рынке. Л.М. Гурченко описывает, как переживала ее мать по поводу привезенных мужем вещей: «Встретила на базаре твоего Удава. Вот кто практичный человек! Привез отрезки, зажигалки,

вокруг него толпа – все нарасхват... Молодец Удав! Марк, ты идиот! Есть нечего, нечего есть! Ты это понимаешь? Кому, к черту, нужны твои зеркала, смокинги и телефоны?»⁶⁸.

Но не только по трофейным вещам формировался новый образ Запада в сознании людей. В первый послевоенный год еще оставались «на улицах – американские студбекеры, на столах – американская тушенка, на стадионе перед футбольными матчами – задорные американские песенки»⁶⁹, а вещи, присланные из США, сейчас бы их назвали гуманитарной помощью, не один год служили своим хозяевам⁷⁰. «Нас удивляли, – пишет А.Н. Юзefович, – различные замки-молнии, кнопки, пряжки, шнуры, яркость, добротность и разнообразие тканей; где-то за морем-океаном, оказывается, существовал мир, который обращал внимание на все эти безделушки»⁷¹.

Память детства – память запахов, вкусов, того, что сразу возвращает в мир детских воспоминаний. Она обостряет вкусовые и осязательные ощущения: «Мороженое не сразу таяло, а как-то медленно тлело во рту... Это было наслаждение невиданное...»⁷² или «Ах, какая тогда была “газировка”!»⁷³. Эти и многие другие типичные советские послевоенные «вкусы» и «запахи» навсегда ушли вместе с советским бытом. Но их значение для памяти необычайно важно. Они являются своеобразными проводниками в воспоминаниях.

Детство всегда исторично и неразрывно связано со временем, в котором оно протекало. Как бы авторы не пытались излагать только факты личной биографии, события большой истории вторгаются в повествование. Авторы упоминают различные события 1945–1953 гг., но только два из них по масштабу детских переживаний превосходят все остальные: День Победы и смерть Сталина. С них авторы нередко ведут отсчет своей новой жизни. Однако память о событиях, значимых для общества, поворотных для страны, выходит далеко за пределы памяти отдельного мемуариста и принадлежит коллективному сознанию. Память о них со временем трансформируется, схематизируется, превращается в набор вполне определенных стереотипов, прежде всего у тех, кто не может помнить об этих событиях.

День Победы, по мемуарам, оставил ощущение праздника и долгожданного счастья, этот день «нельзя было не запомнить, настолько он был полон всего: ярчайших происшествий, неожиданных встреч и поступков, общего легкого безумия и, конечно, самого высокого смысла – это чувствовали даже дети»⁷⁴. Отсутствие воспоминаний об этом дне вызывает у другого мемуариста замешательство: «Столько мусора сохранилось в памяти... а вот от долгожданного дня 9 мая 1945 года не сохранилось почти ничего»⁷⁵. Подобную реакцию можно объяснить тем, что в течение нескольких десятилетий победа в войне рассматривалась как один из основных ориентиров индивидуальной и коллективной идентификации не только переживших войну и знавших о ней непонаслышке, но и родившихся после войны советских людей. К тому же современные исследования показывают, что победа в Великой Отечественной войне по-прежнему остается смысловым центром, фокусом коллективной идентичности россиян⁷⁶. И, более того, роль победы в войне как главного события века становится сегодня все значимей. Этот образ коллективной идентичности пережил крах советской системы и оказался практически единственным положительным, актуальным символом для населения России, объединяющим неоднозначное прошлое и неясное будущее.

Смерть Сталина завершает целую эпоху, а для многих авторов воспоминаний – детство. Для реконструкции типичного, по мемуарам, детского восприятия его смерти остановимся на воспоминаниях В. К. Буковского: «Для нас для всех Сталин был больше чем Богом, он был реальностью, в которой нельзя сомневаться, он думал за нас, он нас спасал, создавал нам счастливое детство»⁷⁷. Вдруг бог умер простой человеческой смертью. Казалось, жизнь должна была закончиться. Но, продолжает В.К. Буковский, «прошло два года, а мы жили все также, жизнь не остановилась. Сталина вспоминали всё реже и реже, а я не понимал: умер-то Бог, без которого ничего не должно происходить...»⁷⁸. В описании восприятия этого события, да и вообще отношения к личности, память мемуариста нередко вступает в спор, конфликт с бытующими стереотипами. С.Г. Кара-Мурза пишет: «Что бы там ни говорили сегодня всякие краснобаи, а был у

нас недолгий период взаимной скрытой любви между большинством народа и властью... На уровне нашего детского сознания мы были уверены, что Сталин нас любит»⁷⁹.

Мемуарный образ послевоенного детства можно было бы дополнить встречающимися часто описаниями первых эротических, любовных переживаний, первой увлеченности будущей профессией, к которой мемуаристы нередко приобщались в кружках при Дворце пионеров. В то же время многие известные исторические факты и сюжеты послевоенного времени почти не упоминаются в мемуарах, например, голод 1946–1947 гг. По подсчетам историков в те годы голодало около 100 млн. человек, а погибло от голода и связанных с ним болезней около 2 млн. советских граждан⁸⁰. Только Л.М. Гурченко вспоминает первый послевоенный год в Харькове как «голод из голодов»⁸¹. Отсутствие в мемуарах упоминаний о голоде может свидетельствовать о том, что он почти не коснулся Москвы и некоторых больших городов; возможно, родители оберегали детей от голода; или же восприятие авторами этого времени как «тяжелого и голодного» стерло в памяти подробности особенно голодных годов. Практически не встречаются в мемуарах (кроме И.К. Сафонова, Л.М. Гурченко) упоминания об инвалидах, фронтовиках, не сумевших адаптироваться к послевоенной жизни⁸², о бездомных детях (только при описании дворовой атмосферы у А.С. Козлова)⁸³, о послевоенной волне арестов (за исключением М.Л. Таривердиева)⁸⁴. Объяснить это можно тем, что, несмотря на трудности послевоенного времени, у мемуаристов было достаточно благополучное детство, которое обеспечили любовь и забота родителей, других членов семьи.

Вспоминая послевоенное детство, авторы утверждают, спорят, аргументируют, попадают в ловушки стереотипов и воссоздают достаточно ностальгическую картину детства и времени. Светлая грусть, тоска по прошлому в воспоминаниях 1990-х гг. выступает в виде инстинкта самосохранения целого поколения. «...Как к советскому режиму не относиться, но там осталась изрядная, если не большая часть жизни современников. Мы все столкнулись лицом к лицу со стихией забвения... завидная неосведомленность новых поколений грозит обернуться

полным взаимонепониманием...», — отмечает С. Гандлевский⁸⁵. Ностальгия в воспоминаниях «выполняет защитную функцию культурной памяти по “удержанию” ускользающей исторической среды»⁸⁶. Но авторы тоскуют не только по ушедшему быту, полному вкусов, запахов, зрительных образов, но и по дворовому коллективизму, солидарности, «равенству в нищете» — той части культурного времени, которая, по мнению многих мемуаристов, повлияла на формирование подрастающего поколения тех лет.

Примечания

¹ Трубина Е.Г. О детях, взрослых, разволшебственном мире и чудесах потребления // Мальчики и девочки: реалии социализации: Сб. статей. Екатеринбург, 2004. С. 9.

² Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М., 2001. С.16-19.

³ Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. Челябинск, 2004. С. 414.

⁴ Там же.

⁵ Безрогов В.Г. Автобиографии и социальный опыт // Социальная история: ежегодник. 2001/2002. М., 2002. С.531.

⁶ Там же. С. 532.

⁷ Поршнев О.С. Методология и методы изучения культурной памяти // Век памяти, память века. С.22.

⁸ Педагогическая антропология. С.16-19.

⁹ Безрогов В. Г. Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001. С. 74.

¹⁰ См.: Баранович-Поливанова А.А. Впечатления послевоенной поры: воспоминания // Знамя. 1996. № 5. С. 145-158; Гурченко Л. М. Аплодисменты. М., 2003.

¹¹ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 420.

¹² Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино» // «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения. М., 1996. С. 19.

¹³ См.: Там же; Кара-Мурза С.Г. «Совок» вспоминает. М., 2002.

¹⁴ См.: Баранович-Поливанова А.А. Указ.соч.; Сафонова И.К. Мечты об оловянной ложке// Знамя. 2001.№ 8. С. 183-225; Гажев Б. Г. Лесной, 61 (зарисовки жильца) // Нева. 2003. №11. С. 268-272.

¹⁵ Безрогов В.Г. Воспоминания как источник по истории детства. С. 74.

¹⁶ Безрогов В.Г. Автобиографии и социальный опыт. С. 538.

¹⁷ Бурков Г.И. Хроника сердца. М.,1998. С. 26.

¹⁸ Шапиро А.Я. Как закрывался занавес // Дружба народов. 1997.№ 10. С. 174.

¹⁹ Буковский В.К. « И возвращается ветер...»: письма русского путешественника. М., 1990. С. 64.

²⁰ Шапиро А.Я. Указ. соч. С. 172.

²¹ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 19.

²² Баранович-Поливанова А.А. Указ.соч. С. 149.

²³ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 77.

- ²⁴ Баранович-Поливанова А.А. Указ.соч. С. 151.
²⁵ Гажев Б.Н. Указ.соч. С. 269.
²⁶ Там же.
²⁷ Семенова В.В. Равенство в нищете: символическое значение «коммуналок» в 30–50-е годы // Судьбы людей: Россия XX века. М., 1996. С. 374.
²⁸ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. С. 114.
²⁹ Зубкова Е.А. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 55.
³⁰ Буковский В.К. Указ. соч. С.67.
³¹ Шапиро А. Я. Указ. соч. С. 173.
³² Семенова В. В. Указ.соч. С.384.
³³ См., например: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 92; Захаров М.А. Суперпрофессия. М., 2000. С. 25. и др.
³⁴ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С.92.
³⁵ Герман М.Ю. Сложное прошлое. СПб., 2000. С. 141.
³⁶ Буковский В.К. Указ. соч. С.71.
³⁷ Карцев Р. А. Сухой, Малой и Писатель. М., 2001. С. 11.
³⁸ Баранович-Поливанова А.А. Указ.соч. С. 149.
³⁹ Городницкий А.М. И вблизи и вдали // <http://lib.ru/MEMUARY/GORODNICKII/gorodnic.txt>
⁴⁰ ГОПАПО. Ф. 1, оп. 45, ед. хр. 227, л. 34.
⁴¹ Dunstan J. Soviet Scholling in the Second World War. New York, 1997. P. 178.
⁴² Гафт В.И. Сад забытых воспоминаний. М., 1999. С.14.
⁴³ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч.С. 84.
⁴⁴ Буковский В.К. Указ.соч. С.74.
⁴⁵ Юзефович А. Н. «Команда молодости нашей» (записки строителя). Пермь, 1997. С.15.
⁴⁶ Безрогов В.Г. Воспоминания как источник по истории детства. С. 66.
⁴⁷ Герман М.Ю. Указ. соч. С.113.
⁴⁸ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С. 89.
⁴⁹ Шапиро А.Я. Указ. соч. С. 174.
⁵⁰ Козлов А.С. «Козёл на саксе» - и так всю жизнь. М., 1998. С. 16.
⁵¹ Дуров Л.К. Грешные записки. М., 2000. С. 43.
⁵² Сафонов И.К. Указ.соч. С. 184.
⁵³ Гажев Б. Н. Указ.соч. С. 268.
⁵⁴ Таривердиев М.Л. Я просто живу. М., 1997. С. 29.
⁵⁵ Подробнее об этом см.: Буковский В. К.Указ. соч. С. 77; Далингер В.В. Неумолчное эхо (покаянное повествование). М., 2001. С. 77; Карцев Р. А. Указ.соч. С. 10.
⁵⁶ Городницкий А.М. Указ.соч.
⁵⁷ Сафонов И. К. Указ. соч. С.184.
⁵⁸ Гафт В.И. Указ.соч. С.12.
⁵⁹ Буковский В.К. Указ. соч. С.68.
⁶⁰ Зубкова Е.А. Указ.соч. С. 91.
⁶¹ Бурков Г.И. Указ. соч. С. 28.
⁶² Козлов А. С. Указ. соч. С. 56.
⁶³ Там же. С. 17.
⁶⁴ Захаров М.А. Указ. соч. С.32.
⁶⁵ Смехов В.Б. Театр моей памяти. М., 2001. С. 12.
⁶⁶ Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»// Общественные науки и современность. 2000 . № 1. С. 168.
⁶⁷ Герман М.Ю. Указ. соч. С.137.
⁶⁸ Гурченко Л. М. Указ.соч. С. 150.
⁶⁹ Санников В.3. Картинки моего детства// Москва. 2001. № 6. С. 125.
⁷⁰ Баранович-Поливанова А.А. Указ.соч. С. 152.
⁷¹ Юзефович А. Н. Указ. соч. С. 9.
⁷² Гафт В.И. Указ.соч. С.21.
⁷³ Герман М.Ю. Указ. соч. С.113.
⁷⁴ Сафонов И.К. Указ. соч. С. 185.
⁷⁵ Санников В.3. Указ. соч. С. 123.
⁷⁶ Ссылаюсь на доклад Б. Дубина «"Кровавая" война и "Великая" победа (О конструировании и передаче коллективных представлений в России 1970-2000-х годов)»// Из личного архива автора.
⁷⁷ Буковский В.К. Указ. соч. С.76.
⁷⁸ Там же. С. 78.
⁷⁹ Кара-Мурза С.Г. Указ. соч. С.93.
⁸⁰ Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–47 гг.: происхождение и последствия. М., 1996. С. 11.
⁸¹ Гурченко Л. М. Указ. соч. С.152.
⁸² См.: Сафонов И. К. Указ. соч. С. 193-194 ; Гурченко Л. М. Указ. соч. С. 173.
⁸³ См.: Козлов А. С. Указ. соч. С. 27.
⁸⁴ См.: Таривердиев М.Л. Указ. соч. С. 25.
⁸⁵ Круглый стол «Мемуары на сломе эпох»// Вопр. лит. 1999. № 1. С. 13-14.
⁸⁶ Янковская Г. А. Ностальгия в стиле социалистического реализма в культурной памяти постсоветской России 1990-х гг.// Век памяти, память века. С. 352.

REPRESENTATION OF THE CHILDHOOD IN THE USSR IN THE MEMOIRS AT THE TURN OF THE XXI CENTURY

M.V. Romashova

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva, 15

The memories about afterwar childhood in the USSR, published in the last 15 years, is analyzed. Particular features of the memoirs as the source of the history of childhood are revealed. The role of child experience in the coming - to - be of a personality is defined.